

Наталья Королева

Не бывает людей чужих

* * *

Прямой доставкой из серебряного века
в сиянии распахнутой строки
неравнодушие получите к человеку
в обертках сероглазой сверхлюбви.
От незнакомки и булгаковского бега
до гумилевской огненной тоски.

* * *

Набираю чужих и своих.
В обезличенной тьме телефона
разрывается голос и стих
звуком зумера, песни и стона.

Набираю всем сердцем весну
и звоню я вам все ж не напрасно.
Позвоню и спокойно усну,
а поутру все будет прекрасно.

«Отойди от окна, отойди!
Здесь сквозняк пробирает тревожно».
Но у марта сквозные пути
по прямым, что достались так сложно.

Подышу и ворвусь сквозняком:
«Мама, дай мне душистого чая!
Распахнуть бы весь мир, как наш дом,
И не надо тогда было б рая.

Только трубку б подняли они.
Расскажу, что люблю и прощаю».
Хлещут ветки об окна мои,
Пробиваясь к подобию рая.

* * *

Не бывает людей чужих!
Кто уходит, кто остается –
им без нас, как и нам без них, –
одинаково достается.

Достается любить и жить
тех, кто был или будет рядом.
Только надо вернуть своих!
Пусть ненадолго, все же надо!

Возвращайте скорей любых –
всех когда-то не отогретых.
Обращайте людей в своих
и на людях не ставьте вето.

Не бывает мест неродных.
На просторе, страхом не сжатом,
вьется улочкой новый стих,
свежий, ветренный, грубоватый.

Нас по-свойски встретят друзья
от Приморского до Арбата.
Но чужими нам быть нельзя!
Все нормально будет, ребята.

* * *

Когда-то люди до времен завета
на всей земле натанцевали лето,
другие в танце с саблями посмели
здесь распушить февральские метели.

А кто-то навальсировал апрели,
из такта выйдя в болеро Равеля.
Чтоб, заломив горячую фуражку,
в кадрили август вышел нараспашку.

Да и сейчас пытливы кастаньеты,
чтоб с танго андалузским для планеты,
одним лишь па, воспламененным степом,
от Мориа летящим менуэтом
наколдовать несдавшееся лето.

* * *

Я не писала вам вчера –
весь день бродила по Одессе.
Зимой набухшая завеса
не скроет пролежни пера.

Я сторонюсь теперь людей.
Без оправдания вдоль улиц
бегут слова от грубых умниц –
от настоявшихся идей.
Особенно боюсь детей –
в их лицах спряталась Одесса.

Здесь словно чеховская пьеса:
без сада стали все грубей.
А сад изрублен и сожжен?
И вы в ответ мне промолчите
или со мною закричите,
что славный город чуть смущен.

Найдется ль новая броня,
одев надеждой тротуары?
Но я теперь иду на пары.
Вы помолитесь за меня.

* * *

Как зима бы скоро ни случилась,
я предвижу тихий разговор.
Хоть нет смысла принимать за милость
ноября обманчивый декор.

Все ж уступит он недолгой встрече.
Даже если будет снегопад,
снегопад не станет нам перечить,
мотыльками облепив наряд.

Чем бы там земля ни принакрылась,
я предчувствую ваш мягкий взор.
Я не зря бодрилась и божилась,
что не будет больше с вами ссор.

Как бы зло ни разыгралась буря,
представляю звонкую метель.
Разукрашены дома глазурью,
небо – распечатанная гжель.

Наши все раздоры и укоры
распушатся в белых мотыльках.
Сбудется предчувствие так скоро,
заискрившись в дорогих глазах.

* * *

К слову о хороших людях –
разные, как времена.
И по людям время судят –
их заслуга иль вина.

Кто по времени в почете,
сам, конечно, не судим.
Не останется в просчете,
выйдет из воды сухим.

На сухом живет расчете
наш приличный гражданин,
не конфликтен по природе
и к властям всегда терпим.

Всем хорош, всегда умерен,
при деньгах и при жене.
Европейской моде верен,
он при связях и в цене.

Отчего же дух бунтует
от слащавых плохишей,
что тихонечко жируют,
приодевшись под людей?

И, душевные банкроты,
хорошеют плохиши.
Может, резким апперкотом
одолжить и им души?

Кто хорош? Какой критерий
прилагает к нам мораль
мира, что теперь измерен, –
каждый вздох, кивок, деталь?

Как укрыться от неверий
в неизмеренность мою?
Не вините: я не гений,
я вас тоже виню.

Не виню и проходимцев,
подлецов или ханжей.

Ведь теперь не время злиться –
бунт мой против тиражей.

Математика бессильна
рассчитать сердца людей,
а рассудок, бед посыльный,
вновь блуждает среди теней.

Коротко, предельно ясно –
воздается по уму;
нелогично ж, но прекрасно
сердцу верю одному.

Этот мускул безотказный
мне кричит: «Не осуди!
Приглядишь-ка беспристрастно –
и сотрутся тиражи.

Разглядишь под маской грязной
человеческую быль,
просто нас разнообразны
наполняют боль и пыль.

Каждый может быть отважным,
если чуточку любим.
Может, и плохиш однажды
ранен был, теперь – раним».

Присмотритесь к человеку –
и отыщете добро,
прибавляя жизни веку,
как советское кино.

Через бури, через штили
мы придем на суд времен.
Только нас опередили –
человек уже прощен.

Сводки с Земли: Восемилетняя Джулия Ренальдо прикрыла собой четырехлетнюю сестру Джорджию и тем самым спасла ее во время землетрясения в Италии, в результате которого дом, где жила семья девочек, был разрушен. Джулия погибла, ее сестра осталась жива.

